



# Иероним Иеронимович Ясинский

## В. М. Гаршин

*Ясинский Иероним Иеронимович (1850–1931) — русский писатель, журналист, поэт, литературный критик, переводчик, драматург, издатель и мемуарист.*

# В.М. Гаршин

После душевной болезни, которой страдал Гаршин и которая дала ему страшную и вместе завидную возможность создать "Красный цветок", произведение, которое, на мой взгляд, превосходит своей чарующей фантастикой всех Гофманов и Эдгаров По и во всяком случае полно глубокого смысла, до которого не могли подняться те гениальные писатели, он зажил одно время, то нуждаясь, то пользуясь некоторым материальным благополучием, буржуазной жизнью. За ним ухаживала жена, его посещали солидные представители литературного и профессорского мира, его приглашали литературные салоны, избрали его в Комитет литературного фонда, служил он где-то бухгалтером, и мне не понравилось однажды при встрече с ним, что он как-то странно пополнил, слегка пожелтел и обрюзг. То же самое бросилось в глаза и Евгению Утину.

Спустя месяц после этой встречи моей с Гаршиным у мирового судьи разбиралось дело. Гаршин был привлечен к ответственности

полицией за нарушение тишины и порядка в общественном месте. Была поймана молодая девушка на улице, которую нужда заставила торговать собою, а стыд не позволил пойти в участок показаться предержавшим властям и получить казенный желтый билет. Гаршин проходил мимо, когда агенты полицейской морали тащили начинающую проститутку и поощряли ее к непротивлению затрещинами. Она кричала, он сам стал кричать, протестовать, собрал толпу; девочка, воспользовавшись замешательством, убежала. Судья приговорил его к трем рублям штрафа.

Гаршин, перед тем очень редко появлявшийся в николаевских мебелирашках, стал посещать мои вечера, причем его обыкновенно сопровождал Бибииков. В лице Гаршина я заметил новую перемену: щеки его горели, обрюзглость стала спадать и превратилась в худобу, в глазах стало выступать страдание, выдавливаться какое-то глубокое, тоскливое чувство, я бы сказал, потустороннее.

Перед этим Гаршин увлекался историческим сюжетом; ему хотелось написать роман, героем которого была бы сильная личность:

— И, конечно, такой личностью может быть только Петр Великий. Я хотел бы, чтобы Петр Великий удался мне не только как гений, но и как русская душа, со всеми ее огромными достоинствами и такими же колоссальными слабостями.

Когда я был у него, он вынимал из письменного стола черновые листы и, указывая на них, выражал желание когда-нибудь прочитать мне первые главы.

Бывало, Гаршин явится ко мне на огонек, станет спиной к горящей печке и долго молчит. Только сверкают его черно-алмазные глаза, под взглядом которых становилось иногда жутко. Что-то гораздо более сильное и напряженно ищущее выхода, чем та пальма, которая в его рассказе проламывает стеклянную крышу в оранжерее, томилось и рвалось в даль, в беспредельность не находящей удовлетворения мысли из этих тоскующих глаз.

Зашел ко мне однажды тоже на огонек артист Далматов и стал наблюдать Гаршина.

— Что вы так на меня уставились? — спросил Гаршин.

— Вы удивительно похожи сейчас на того

царевича, которого я видел на днях в мастерской Репина. Настоящий убитый Грозным царевич.

Гаршин ничего не сказал, как-то еще больше осунулся, вяло подал руку и исчез с Бибиковым, который скоро вернулся.

— Я довел Всеволода, — начал он, — до квартиры. Он в удрученном состоянии. Последнее время мы сблизились с ним: ведь я знаю, что такое быть душевнобольным; и он мне сочувствует, и я ему. У нас с ним бывают особенные беседы, мы понимаем друг друга с полуслова. Посмотрите, какие у меня глаза: точь-в-точь, как у Гаршина!

Бибиков подошел к зеркалу и стал таращить свои глаза. Правда, они были у него тоже красивые и большие, но в них бегал хитрый огонек, а хитрости не было у Гаршина ни искры. У него было выражение, какое мистик мог бы себе представить в глазах у печального ангела.

Мы немножко посмеялись над Бибиковым, но Гаршин внушал нам немалое беспокойство.

Почти целую неделю ежедневно приходил

Гаршин, становился все в той же позе у печки и молчал, как будто что-то собираясь сказать чрезвычайно важное, но что не укладывалось в речь и не находило слов.

Заговаривали с Гаршиным, шутили. Владимир Тихонов врал о том, как он воевал в Азии с турками и брал Ардаган, как грузинские княжны плакали, когда он был смертельно ранен, и как его спасла только чистая любовь: не та, которую написал Бибиков, а та, которой он поклялся всю жизнь и которой он никогда не изменит.

Ничто не действовало на Гаршина. Ему трудно было даже стоять на ногах. Домой приходилось его провожать. Но вдруг на полпути он срывался, с удивлением смотрел на идущего с ним рядом приятеля и быстрым шагом удалялся от него.

Дня два его совсем не было. Бибиков был послан на разведку и вернулся с известием, что Всеволод Михайлович здоров и беспокоиться нечего. Так сообщила ему жена Гаршина; последние дни, однако, он чувствовал себя не в духе, потому что ему портил нервы Анатолий Леман — приходил и зачитывал

своими рассказами.

Гаршин уже после этой разведки наведалься ко мне в мебелирашки и расположился у печки, на своем любимом месте. Даже что-то стал говорить о блуждающих душах:

— Выйдешь на улицу — откуда их столько? И что им нужно? И зачем они так жалобно смотрят и решительно все тоскуют, а ведь не сегодня-завтра конец их...

Вдруг вошел Леман и прямо направился к Гаршину, у которого лицо передернулось, словно он увидел нечто ужасное и необычайное. Он отделился от печки, подал знак Бибикову, и оба они, ни с кем не простившись, — Бибиков усвоил уже все манеры Гаршина, — исчезли в коридоре мебелирашек.

Помню, что Леман бросился за ушедшими, но мы догнали его в коридоре, почувствовав, что он кошмарен для Гаршина своей самолюбленностью, самоуверенностью, "авторитарностью".

В один из следующих вечеров я, оставив гостей, вышел на несколько минут в ближайший магазин на углу Николаевской и Невского. Стоял туман, двигались извозчичьи лоша-

ди, как темные призраки, и волновались тени людей. На обратном пути в этом тумане, который Гейне назвал бы белым мраком, кто-то догоняет меня и дотрагивается до плеча. Обращиваюсь — Гаршин. Из этого белого мрака на меня особенно остро и алмазно сверкнули его печальные глаза.

— Всеволод, здравствуйте, пойдете ко мне! Но он качнул головой: "Нет", — и указал вдаль.

— Пойдемте, — попросил я, — у меня "народ собрамши". Я вас угощу сибирским блюдом.

Он еще раз отрицательно качнул головой. Я хотел взять его под руку, но он уклонился, и опять слова замерли на его губах. У перекрестка клубы тумана, соединенные с клубами пара, выбрасываемого из горячих ноздрей лошадей, отделили меня от Гаршина, и он навсегда ушел от меня.

У себя я рассказал о встрече с Гаршиным. Леман, ждавший его прихода, повернулся и устремился к нему.

— Мне он нужен, — закричал он, натягивая пальто, — как воздух!

На другой день туман, стоявший над Петербургом и проникавший собою все улицы и переулки, рассеялся, и ужасный слух по дороге в одну редакцию был сообщен мне быстроногим репортером:

— Гаршин бросился с лестницы и разможил себе голову. Его сейчас отвезли в больницу, что на Бронницкой!

Конечно, его торжественно отпевали. Собор на Измайловском проспекте был набит народом. Над открытым гробом Гаршина, стоявшим на возвышении среди церкви, траурным силуэтом выделялась скорбная фигура его жены. Похоронили его на Волковом кладбище. Над свежей могилой покойного писателя я сказал коротенькую речь. Покойный беллетрист Кигн, писавший под псевдонимом Единица, подробно описал печальное торжество в "Неделе".

Гаршин был один из популярнейших писателей моего времени. Много лет спустя в рабочем клубе "Красная звезда" в начале 1918 года в годовщину трагической смерти Гаршина был устроен литературный вечер в его память. Читать о нем был приглашен я, а после

меня хорошее слово сказала Злата Ионовна Лилина.

Между прочим, товарищем Лилиной было подчеркнуто то, что Гаршин не мог выдержать трагедии разлада, который он носил в себе: всеми фибрами своего существования он чувствовал, что есть единственный путь к удовлетворению существеннейших запросов проснувшейся души гражданина порабощенной России — революционный, и однако настолько был слабоволен, что не мог пойти по этому единственному пути.

Товарищ Лилина была права, но корень трагедии заключался не столько в слабости воли, сколько в нашей интеллигентской рефлексии и в той оглядке, иногда мучительной и сокрушавшей часто и сильные нервы, которая, в большей или меньшей степени, была тогда свойственна всему молодому поколению. Выразительными певцами ее в прозе был Всеволод Гаршин, в поэзии — Семен Надсон.